

ЖИТЬ

для него —

значило играть,

значило

жить

Завтра в Белгороде открывается IV Всероссийский театральный фестиваль «Актеры России - Михаилу Щепкину». Замечательно, что в этом году начало праздника совпадает с днем рождения нашего великого земляка, гениального русского актера. Время не сохранило для нас живых свидетельств его игры. Остались лишь газетные рецензии и воспоминания современников. Порой противоречивые. Кто-то ведь и не очень любил Михаила Семеновича как человека. Но в том, что Щепкин - актер от Бога, соглашались все. И сегодня мы предлагаем вашему вниманию выступление (в сокращенном виде) С.Т.Аксакова (великого русского писателя и театрального критика), прозвучавшее на юбилейном вечере в Москве, посвященном 50-летию сценической деятельности М.С.ЩЕПКИНА.

В исходе ноября 1805 года в городе Курск на частном публичном театре содержателей-актеров Барсовых назначен был спектакль в пользу актрисы г-жи Лыковой. Молодой человек лет семнадцати с живою и умною физиономией беспрепятственно бегал с раннего утра из дома своего господина, графа Волькенштейна, в дом Дворянского собрания, где помещался театр. На озабоченном лице юноши ясно выражались радость, тревога и опасение: это был дворовой мальчик графа, всеми называемый Миша, которому по случаю внезапной болезни какого-то мелкого актера дали сыграть маленькую роль. Миша с детских лет страстно любил смотреть театральные представления. Его охотно пускали и в оркестр, и за кулисы, где все его знали и где он всем служивал. Сыграть какую-нибудь роль на публичном театре было его любимой мечтою, его постоянным и горячим желанием; наконец, желанная мечта превратилась в действительность, и Миша вышел на сцену в драме «Зоя» в роли почтаря Андрея. Этот Миша - теперь наш знаменитый артист, ветеран театрального искусства, честь и гордость русской сцены Михаил Семенович Щепкин.

Щепкин страстно полюбил театр еще в ребячестве. Семи лет он увидел на домашнем театре у графа Волькенштейна оперу «Новое семейство», и необыкновенное зрелище так его поразило, что с тех пор в восприимчивой, горячей голове мальчика беспрестанно роились декорации, оркестр, сцена и действующие лица. Вскоре после того, когда он был уже в народном училище городка Суджи, удалось ему сыграть слугу Розмарина в комедии Сумарокова «Вздорщница» - разумеется, это усилило его страсть. Впоследствии, когда Щепкину было уже лет четырнадцать, он сыграл на домашнем театре своего господина несколько ролей и, между прочим, роль актера в комедии «Опыт искусства» и Степана-сбитенщика в опере «Сбитенщик». С 1801 года Щепкин жил в Курске, учился в народном училище и все свободные часы проводил в театре. В этом положении оставались дела до незабвенного дня - до бенефиса г-жи Лыковой.

...Каких горячих усилий, каких постоянных трудов, какой напряженной работы духа и тела стоило возведение на степень искусства простой, по-видимому, охоты мальчика: выбежать перед публикою в каком-то святочном наряде и проговорить несколько выученных речей! Так начинают многие, и трудно загадать в безотчетном влечении молодых людей: минутная ли это забава или призвание истинного таланта.

Разумеется, в достопамятный день представления «Зои», за пятьдесят лет перед сим, никто из окружающих Щепкина не подозревал в нем будущего славного актера, и всякий только смеивался, глядя на его озабоченное лицо и важность, придаваемую им такому, по-видимому, пустому делу; но Щепкин чувствовал бессознательно, что роль почтаря Андрея решает его судьбу и определяет славную будущность.

С этого времени, после удачного дебюта, Щепкину начали давать многие небольшие роли, и, разумеется, самые разнохарактерные. Захворал ли, загулял ли кто-нибудь из актеров - Щепкин в несколько часов выучивал его роль и, конечно, играл всегда лучше того, чье занимал место. Одним словом: им затыкали все прорехи малочисленной труппы и скудного репертуара. Оркестр прозвал его «контрабасною подставкой», и вся труппа со смехом повторяла остроумное прозвище.

Публика начинала любить и принимать Щепкина с одобрением. Каждый спектакль был шагом вперед для молодого актера, и в течение нескольких лет он сам и все его окружавшие убедились в том, что Щепкин родился для театра. Не получив достаточного образования, не выйдя ни одного актера, который бы имел какое-нибудь понятие о сценическом искусстве, который бы ходил и говорил на театре по-человечески, Щепкин, конечно, не мог тогда создавать себе и идеала представляемого лица, не мог не подчиняться вредным традициям, от которых трудно отделяваться во всю жизнь, не мог не перенимать форм, которыми был окружен: но нет такой неестественной формы, которая не могла бы быть одушевлена, а Щепкин, одаренный необыкновенным огнем и чувством, оживлял ими каждое произносимое слово: к стати или не к стати, верно или неверно - до этого никому не было дела, этого никто не понимал, а все, безусловно, восхища-

лись новым и свежим талантом.

...Семнадцать лет играл Щепкин на губернских театрах, переходя из труппы в труппу, разъезжая по ярмаркам со своими товарищами и постоянно идя вперед. У Щепкина не было ампулы, он не выбирал себе ролей, а играл все, что было необходимо для составления спектакля. Так, например, в «Железной маске» он, начиная с часового, дошел до маркиза Лувуа, а в «Рекрутском наборе» переиграл все роли, кроме молодой девушки Варвары. Слава Щепкина росла, преимущественно в южной части России, дошла до Москвы, и наконец в 1823 году поступил он на Императорский Московский театр.

...Московская публика обрадовалась прекрасному таланту и приняла Щепкина с живейшим восторгом, в настоящем значении этого слова; но Щепкин не успокоился на скоро приобретенных лаврах, как делают это многие.

Постоянно трудясь с первого дня поступления своего на сцену, постоянно изучая, обрабатывая свою игру, он удвоил свои труды, поступаая на московскую сцену. Он делал это не для приобретения большой славы или выгод житейских, он удовлетворял собственной душевной потребности. Театр уже был для него необходимостью, воздухом, условием жизни... Жить для Щепкина - значило играть на театре, играть - значило жить. Сцена сделалась для Щепкина даже целебным средством в болезнях духа и тела. Горевал ли он чем-нибудь, как человек, которому надо было много преодолеть препятствий, много бороться с жизнью, - искусство мирло его с действительностью; болел ли телом - искусство оживляло его нервы, чудотворно врачевало его тело. Много раз, и многие были тому свидетелями, что Щепкин выходил на сцену больной и сходил с нее совершенно здоровый.

...Обыкновенно сценические артисты, сколько-нибудь замечательные, разделяются на два разряда: первый состоит из людей даровитых, иногда в высокой степени, но не думающих об искусстве, об изучении его, не признающих необходимости труда, иногда даже не понимающих прямого значения художника. Второй разряд состоит, не скажу, из людей бездарных, но наделенных от природы скудною долею дарования, обработке которой положены, к сожалению, слишком тесные границы. Это достойные уважения труженики.

Они, без сомнения, несравненно выше ленивых дарований, но - увы! - всякий из нас предпочтет талантливого актера, у которого посреди неверной, даже бессмысленной игры вырвется иногда увлекающее и потрясающее душу слово; предпочтет бедному труженику, бесцветно исполняющему умно и верно понятый характер. Это справедливо: сцена требует выражения ясного, живого, так сказать, осязательного, без которого зритель не может видеть понимания роли, не может сочувствовать представляемому лицу. Но бывает редкое соединение таланта с ясным умом и горячею любовью к искусству - и это счастливое соединение представляет нам Щепкин. Его отличительное качество именно состоит в чувстве священного долга к искусству, долга неоплатного, каков бы ни был талант человека.

...Несмотря на страшное число ролей, переигранных Щепкиным, несмотря на их бесконечное, дикое разнообразие, несмотря на их ничтожность, Щепкин не пренебрег ни одному из них. Выезжая на сцену Бабой Ягой на ступе с помелом, являясь Еремеевной в «Недоросле» и пр., - он старался быть тою личностью, которую представлял. От смешных фарсов и карикатур Щепкин в ролях своих доходил иногда до характеров чисто драматических и на одном из них столкнулся с первым трагиком своего времени - с Тальмой: роль Данвиля в комедии Делавина «Урок старикам» в Париже играл Тальма, а в Москве - Щепкин!.. И что же? Несмотря на тяжелый и темный русский перевод, Щепкин был так хорош, что удовлетворил требованиям самых строгих судей. Привычка смеяться от комизма игры Щепкина исчезла, и зрители всегда бывали растроганы до слез.

Во все пятьдесят лет театральной службы Щепкин не только не пропустил ни одной репетиции, но даже ни разу не опоздал. Никогда никакой роли, хотя бы то было в сотый раз, он не играл, не прочитав ее накануне вечером, ложась спать, как бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ее настоящим образом на утренней пробе в день представления. Это не мелочная точность, не педантизм, а весьма важное условие в деле искусства, в котором всегда есть своя, так сказать, механическая или материальная сторона: ибо никогда не может быть полного успеха без приобретения власти над своими физическими средствами. Но этого мало: вся

жизнь Щепкина и вне театра была для него постоянною школою искусства: везде находил он что-нибудь заметить, чему-нибудь научиться.

...Никогда Щепкин не жертвовал истинною игрою для эффекта, для лишней рукоплесканий; никогда не выставлял своей роли напоказ ко вреду играющих с ним актеров, ко вреду цельности и ладу всей пьесы; напротив, он сдерживал свой жанр и силу его выражения, если другие лица не могли отвечать ему с такой же силой; чтобы не задавить других лиц в пьесе, он давал себя и охотно жертвовал самолюбием, если характер виде-ли и понимали другие, и надобно признаться, что редко встречается в актерах такое самоотвержение.

Талант Щепкина преимущественно состоит в чувствительности и огне. Оба эти качества составляют основные, необходимые стихии таланта драматического, и я думаю, что в этом отношении драма была по преимуществу призванием Щепкина; но его живость, умная веселость, юмор, его фигура, голос, слишком недостаточный, слабый для ролей драматических (ибо крик не голос), навели его на роли комических стариков, и - слава Богу! По неудобствам физическим едва ли бы Щепкин мог достигнуть такого высокого достоинства в драме, какого достиг в комедии. Я сказал, что у Щепкина есть умная веселость; но в тех комических ролях, которые не соответствовали этому свойству, чего стоило ему выражать глубину или простоту на лице необыкновенно умном? Вместо проницательности и юмора - изображать простодушную самодовольную веселость? Чего стоило также выработать свое произношение до такой чистоты и ясности, что, несмотря на жидкий, трехнотный голос, шепот Щепкина был слышен во всем большом Петровском театре?

...Идя неуклонным путем опыта, труда, ученья, дошел наконец Щепкин еще в полной силе своих средств до того возможного совершенства, с которым он играл... Арнольфа в «Школе жен» (любимая его роль), Гарпагона, Фамусова, Шейлока и городничего в «Ревизоре». Кроме того, Щепкин перенес на русскую сцену настоящую малороссийскую народность, со всем ее юмором и комизмом. До него мы видели на театре только грубые фарсы, карикатуру на певучую, поэтическую Малороссию, Малороссию, которая дала нам Гоголя! Щепкин потому мог это сделать, что

провел детство и молодость свою на Украине, сроднился с ее обычаями и языком. Можно ли забыть Щепкина в «Москале-чаривнике», в «Наталке-Полтавке»?

В эпоху блистательного торжества, когда Петровский театр, наполненный восхищенными зрителями, дрожал от восторженных рукоплесканий, был в театре один человек, постоянно недовольный Щепкиным: этот человек был сам Щепкин. Никогда не был собою доволен взыскательный художник, ничем не подкупный судья!

...Из всех художников художник-актер, без сомнения, производит самое сильное, живое впечатление; но зато и самое непрочное. Нет выше наслаждения, нет более утешительного чувства, как двигать тысячи людей одним словом, одним взглядом. Но, увы, мимолетно это впечатление, и если не исчезает в зрительях мгновенно по возвращении их в мир действительный, то, конечно, слабеет и умирает вместе с ними. Актер не оставляет свидетельства своего таланта, хотя и разделяет творчество с драматическим писателем: ни картина, ни статуя, ни слово, увековеченное печатью, не служат памятником его художественной деятельности, и потому о художнике-актере надобно более писать, чем о художниках другого рода, которые своими созданиями говорят сами о себе даже отдаленному потомству. Да сохранится же по крайней мере благородное имя сценического художника в истории искусства и литературы, да сохранится память уважения к нему признательных современников!

Неблагодарно мирному искусству настоящее грозное время; мрачен наш небосклон; строго испытание... Но всегда время отдавать справедливость заслуге, благородным быть всегда время. Если мы признаем за истину, что воспитание, усовершенствование в себе природного дара есть общественная заслуга, то не должны ли мы признать, что Щепкин оказал такую заслугу русскому обществу? Итак, благодарность ему за доставление нам в продолжение стольких лет высоких наслаждений, сердечных и умственных! Благодарность за благотворные слезы и благодетельный смех!